

Антон Шумилин

ЭТВАС

18+

АНТОН ШУМИЛИН

Этвас

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шумилин А.

Этвас / А. Шумилин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Попытка осмыслить происходящее во внешнем и внутреннем мире, составить из всего этого нечто. Такое нечто, которое, с одной стороны, тяготеет к упорядочиванию и обобщениям, с другой - выражает субъективное мироощущение автора. С третьей - заставляет быстрее двигаться сквозь мрачную фантазмагорию, чтобы на скорости разглядеть протянутые нити добра.

Содержание

Окрылённый голем	5
Код	9
Там, за горою	12
Тупики	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Окрылённый голем

Перед часом быка

Караваны ворон потянулись в леса голубые,
Чёрным дымом всосавшись в холмистую влажную грудь.
Очень хочется губы в подземный пожар обмакнуть,
Чтобы мёртвой воды отошла ядовитая горечь.

В самоварную сказку стекаются тучи рябые
И под снег уходящая с богом смиренная грязь.
Всё стекается в даль, не оглядываясь и не борясь.
Перед часом быка простирается вечная полночь...

Багровый эллипс истошно тонет в молочной пене
Над коркой леса и волосами сухой травы.
Росток распада увековечен и постепенен,
Сантиметровой дорожной пылью сияют рвы.

Где меж клыками гнилой и ржавой железной клетки
Деревья вшиты в дорожный сумрак конца времён,
Безумно-белый лохматый ангел ломает ветки
И, захлебнувшись дремучим страхом, несётся вон...

Марсельеза

Железо и сырость, и пот, и совиные марши
Сквозь марлю проходят осадками тлеющей сажки.
Порублены дни на дрова. И ржавеющей баржи
Кускам не придумать, куда же сошли экипажи.

Вдыхая пары тишины и сосновые смолы,
Старик собирает звенящую кожу для крыши,
А в талом сугробе копается заяц весёлый,
Поёт Марсельезу, но это никто не услышит...

Инферно

Вечность, вскормленную грудью снегиря,
В полевом всемирном рейхо-эмирате
Продуктивно прожигают лагеря.
Миллионы адов зреют умирать,
В крематории морфироваться в гладь.
Рановато... Рановато восставать.

Бьётся совесть, серым отзвуком монет
Содрогая внутрикнижный Назарет.
Очевидно, тот, кто был, того и нет.
Не отвалит ангел камень на заре,
Вещих связей не отпустят небеса.
Рановато... Рановато воскресать.

На бутоне серебристая роса
Обнимает паутиновую нить,
Спит, как драка из-за хлеба, дивный сад.
Бледным завязям и гнить – не перегнить.
Червяка ещё накормит благодать.
Рановато... Рановато расцветать.

В дымных пещерах ртов
Железом зримых причин
Жмутся ряды крестов.
Друже дрянных дружин.
Круче больших кручин.

Задвинуто на засов
В тряпках гниющих роц
Вечное колесо,
Страшная сила-мощь,

Спаянная с лицом –
Спьяну и не поймёшь –
То ли святым отцом,
То ли ядрёной вошью.

Отмечен святой печатью
Матричный прототип
Загробного счастья
И долгожданный тиф.

Тест Роршаха здесь – пшик,
В небе звенят огоньки –
Мириады утопших
Медленной царской реки,
Скомканной русской тоски...

В дымных пещерах ртов,
Окопах свинцовых дней,
Плотных рядах крестов,
Жёлтых глазах нулей –
Поросшая снегом Дао, седая,
Стопавшая Октября лик,

Россия, которую мы потеряли.
Россия, которую мы обретаем.

Банальные осенние истины

Героев предельно мало.
Ахиллов предельно много –
Всех нас окунали в реку,
В ладонях зажав затылки.
Ржавеют ножи и вилки
Лилово-гнилого века,
Изрезав чёрную ногу
Системы чёрного нала.

Могильник жилых районов,
Как вязкая стужа Стикса –
Хоронит живых под груды
Банальных осенних истин.
И словно в дрожащей кисти
Играют слова Иуды,
В спектакле псевдоремикса
Играет жизнь миллионов.

На тень оглянуться стало
Не страшно, а лишь убого.
И есть что поднять на знамя –
Травматы, ножи, бутылки.
В ладонях зажав затылки,
Всех нас окунали в пламя –
Ахиллов предельно много...
Героев предельно мало.

В бутылках из-под кефира
Застыла кровь голубая,
Которой расписаны стены
Под рай и вечернее небо.
Художника нет. И был ли он?
И кисти уже отсохли.
Ржавеет бритва Оккама
В сырой паутине фантазий.

В сырой паутине подвала
Скрипит заводная утка
И прячет в яйце иголку
Самой непроглядной смерти.
Молочные зубы кукол
Растут, выпадают на пол,

И кафель трещит, как харя
Прожорливых тысячелетий.

В бутылках из-под кефира
Нетленный собачий холод,
Которым расписаны стены
В здоровую атмосферу.

Здоровая атмосфера...
И всё фиолетово в этом
Прекрасном и яростном мире,
И вспыхивают гематомы
На пухлом лице событий.

Пыль над гниющим полем
В тающем сне весеннем
Бьётся, развесив космы
Смятого органона,
И окрылённый голем
Молится во спасенье
Кукле душевной оспы
Мёртвого фараона.

Гроздья росы нетленной,
Словно штыки заводов,
В тихий бетонный омут
Падают, разлипая
Под синевой Вселенной
Кровь и живую воду.
Время идёт к надлому.
Кукла летит слепая

Телом, гниющим полем –
Там, где, развесив космы
Смятого органона,
Мысли звенят о кафель.
Пьются сухим запоем
И улетают в космос
Эйдос, мечта, икона
И человек из вафель.

Код

Амнистия

За мысли, белые рёбра,
Ключицы, лапы
Никто не в ответе.
Стол неба светится
Под скатертью гречневой.
Мимо летят мудрые, добрые,
Пополняя этапы
В места сырые и вечные.

Как, зачем и с кем ты
Попал под амнистию?..
Не скучно, не тесно,
Но провалился в слоистое тесто,
Во внутренний тессеракт.
Шуршат аплодисменты.
Ладони кленовых листьев
Краснеют. Скоро антракт.

Спанда

Всё пройдёт зимой холодной,
всё пройдёт войной народной,
всё пройдёт. Гектары рая
на Геоне догорают.
Вырван куш из самой гущи:
грех сгорел, а цирк отпущен.
Всё течёт, и всё есть спанда
в жёлтом горле листопадном.
Из потока и в потоки,
и почкуются потомки,
и рябит в пустом экране
новый круг бесценно ранний.

Внутри себя заточённому узнику
Немного Вселенной дай,
Ушами глотая музыку,
Глазами щупая даль,

Внедряясь в код новорожденный
Свидетелем и творцом,
И падая в тело родины

Опухшим от слёз лицом...

Придётся жить центробежнее,
Вменяя себе в вину
И будущее, и прежнее,
И русскую тишину.

Рыхлую плоть кварталов
Взрезаешь самым собой,
Куски отпадают: камни,
Колодцы, смерть, сторожа.
И вихри тянутся алые
Припудренных горожан,
От чёрной воды и пламени
Отрубленных медной трубой.

Всё больше в тебе человека
Пугает домов тоска.
И тянет табачным дымом,
Гуашью, соснами, сном.
Идёшь по сырому снегу,
И тоже тянет слегка
Скакать между сыром и Крымом,
Своё выбирая зло.

И дальше идёшь, капризный,
Качаясь глазами психа.
Вокруг – городской уют,
Застывший, как манекен
Солёного привкуса жизни,
Когда по морде дают.
А в космосе снова тихо.
Никто не понят никем.

Если хочешь уснуть – не тyani, засыпай,
Головой упади на перину сугробов
И коричневый сумрак еловой коры
Наполняй незаметным волнением снов.
И прямые секутся, выводит кривая
За надбровные дуги вселенной суровой,
Где в кедровые шишки свернулись миры
И трясёт новогодний озноб.

И во сне раздвигая руками метель,
Головой упади в складки внутренней тени.

Так находят ответ и уходят под лёд,
Проводив чудеса и собой закусив.
Упади и, как мёртвый, лежи в темноте,
Притворяясь обломком кембрийских растений,
Дождаясь, когда семь печатей сорвёт
Подноготным сгущением сил.

Если хочешь проснуться – мети, засыпай
Полувывмерший город слоями сугробов,
Выплюнь снег и чужой бутерброд тишины,
Упади головой в недостроенный дом.
И потом поутру, узнавая себя,
Как дурак, прокричи, надевая обувь:
«Кто-нибудь да узнает, что будет После,
И никто не узнает, что было До».

Ворс

1.

Разнообразие музык бьётся однообразием нот,
Камнем познаний ушибленный локоть каждый по-разному трёт.
Мрак выражений, в которые гнутся только глаза и рот,
Непознаваем, как точность точки в тесном ряду из трёх.

И как в окопе, не видно цели и не нужно лица.
Круг расстояний, причин и следствий выпестован и зачат,
А из травы навстречу лесу вспыхивает лиса,
Вспоротым горлом в поле уходит плавающий закат.

И над дорогой спиной качает пыли прозрачный ворс,
Врозь две руки – вековые корни в грозной густой темноте:
Только победа даёт ответ на каждый щемящий вопрос.
Только ответы ведут к победе сетью цепных путей.

2.

Разнообразие текстов льётся однообразием букв,
Собственной совести поодиночке каждый по-разному врёт.
И в мясорубку робко приводит интеллигентный трюк
Думать по-волчьи, белкой крутиться, правый ловить поворот.

Разнообразие бодрости пухнет разнообразием сна.
Каждый своих получает чудовищ. Но самое главное, что
Правды своей не бывает, и наша правда на всех одна.
Это подарок всему, что творится по обе стороны штор.

Там, за горою

Парабеллум

Заброшены силлогизмы, как удочка в тихий омут,
В три точки сгруженных пауз и вычищенных пробелом.
За пазухой задней мысли качается «Парабеллум».
За тонкой картонной стенкой предметы скрипят и стонут.

Поймается что-то в мутной, сгущённой, как ужас, яме
И вытащится наружу, стекая кровавым смыслом.
Расстрелянное упало. Повешенное повисло.
И взвинченное мирозданье размахивает костылями.

От веры в верную веру скрываются в рай дороги,
И всё – в рекурсивной мантре – переполнение стека.
Заходим в ума палаты и шепчем: «Привет калекам».
Стреляет в лоб «Парабеллум»... И вот мы – ничто. Как боги.

Лепестками сражённого мака
Воспалается кожа тумана с
Нежеланьем рождаться из мрака
Для гностичного горя ума. Нас

Обжигают водой ураганы,
Разрушая нелепых пиратов
Всеобъемлющей фата-морганы
И всезнающих опиатов.

Снова яблочко глаза под лаком
Жаждет пули в гностическом тире.
Труп реальности более лаком,
Чем сражённые красные маки
В неизбежно-фальшивой картине...

Буратино

Усреднённая усохшая сердцевина,
Которой все мы отчасти стали,
Вытягивает из почвы минеральную воду,
Обрастает годовыми слоями,
Заставляя жить правильно и цивилично
В яйце из усталой стали,
Выдавливая вовне до капли свободу,
Пропахшую шторами и салями.

Вылезти новорожденным Буратино
В свободное плавание – это
Единственный способ увидеть другие стороны
Своего прорастания,
Сложить в неприглядную целостную картину
Тонны жизненного винегрета.
Страшно, голодно и просторно,
И немного приятно станет.

Преступление

Бесконечное всеесъедание
И разбросанные уроборосы
Тянут тёплую душу в рай,
Как утопленника за волосы.

Всё, что можешь, себе не дай,
И другим оставь ещё менее.
Сам себе и грех, и еда,
Сам себе «Бытие» и «Имение».

Ослепителен этот круг,
Как клыки сомнительной истины.
Враг – не враг, да и друг – не друг?
Только руки падают листьями.

Подо льдом безразличных звёзд
Нависая горбами шаткими,
Набухают россыпи гнёзд,
Огрызаются чёрными шапками.

Не отвертись. Без огня ж
Не бывает продуктов горения.
Быть невидимым – это блажь,
А не быть – совсем преступление.

Ты теряешь следы в неизведанных водах
И садишься молчать на короткую цепь?
Под изъеденный череп слепого исхода
Толпы сырых подводят нелепую цель:

По следам немоты от купели до гроба
Суетиться, поститься, пасти и пастись,
Выживать из ума и поглядывать в оба
С потаённой надеждой предать и спастись.

Не гаси восковые тревожные башни –

Крылья дыма умрут, не успев вознести,
И в едва приоткрытый дубовый багажник
Загремят пассажиры последней горсти...

Время выбить с небес костяного кумира,
Обнимаясь на грозном соцветье дорог
В громобойной симфонии нового мира
С тем мотивом, который ты слушать не мог...

Трансбог

В белую пустоту дудочки крысоловов
Зрите и жрите сыр их,
Выплеснув кислоту пошлых и сальных слов о
Малых, убогих и сирых,
Вылизав мармелад липкого гнидогимна
Божеской вашей власти.

Завтра закрою ад, сделав лицо другим, но
Брошу себя под ластик.

Лететь впотьмах кровавой бани
Меня не тянет.
И под огнём небесной рвани
В себя когтями
Я ухожу, как месяц в землю,
Кривя рогами.
Внизу асфальтовые стебли
Лежат врагами.

Как небо наше далеко,
Как подпол тошен –
Рассыпан полный полигон
Людских картошин.

Друг другу белыми ростками
Под рёбра тычут
И мажут грубыми мазками
Расчёт и вычет...

Не выжать соки океанов
Из тела сплюснутой планеты
И скрипом жёлтых пароходов
Не выбить дрожи у Земли.
Жонглируй всем – огрызки планов,

Окостенелые куплеты
Дешёвых умственных отходов
Не для того ли здесь росли?
Не для того ли, чтобы зубы
На полке толстым слоем пыли
Накрылись, как Помпеи пеплом,
От вулканической тоски?
Отдать себя какому псу бы,
Пока останки не остыли,
Гримаса счастья не окрепла
И черви ада не близки?

Фаталистичное

Не весна подгрызает меня теперь –
Тошнота и пыль, завеса смога.
Мне не плохо?! Нет.
Быть может, в сердце – зверь,
В сердце мира, сущего без бога.

На экране – плен крокодилий кож
Вереницей говорящих мумий...
А я дальше вонзаю булатный нож
В переливы хохота безумий.

Потаённых страхов свернулся ёж,
Холодеет рюмка эвтаназии.
Если ты сегодня и не умрёшь,
Неизбежен рок вселенской связи...

Застыть, завянуть, забыть

Неспешно осеняясь до безумия и желчи,
Гудит греховный погреб побирающихся слуг:
Застыть, завянуть, забыть других и сжечь их,
Прилечь на голый пол войны и отойти ко злу.

Как на кленовой коже проступают насекомых
Нестройные ряды, ничтожеств хищный слой,
Так дивные сады – в диван, идеи – в идиомы,
И в горсть потухших искр спекается герой.

Оплёванный самим собой атлант ломает плечи
В гробу, как муха на ветру, стена и дрожа,
Неспешно осеняясь до безумия и желчи:
Дотронься духом до небес и горлом до ножа.

И пусть весь мир застынет, наклонившись над рекою,
Зависнет между призраком и рвом гниющих благ,

Свались в греховный погреб и с протянутой рукою
Нащупывай, где бог, где друг, где труп, где враг.

Смерть

Скользкой смерти трафарет
На могиле ставит крест.
Кто-то был? Кого-то нет,
Он ушёл из этих мест.
Пусть дорога не нова,
Что поделать... Умер бог...
Черви, глина да трава –
Это весь его итог.
Весь итог развился в гниль,
Явь сгнила, и Навь – на треть...
Всё, что ложно – это пыль,
Всё, что можно – это смерть.
Хрупкой жизни трафарет
Начертал благую весть:
Бога не было и нет,
Смерти не было и есть...

Секрет

Не найден бессмертный секрет черепных коробков:
Не пущен по тленным следам умозрительных истин.
Всё то, что сдалось и устало – еда для жуков.
Лиловый конечный продукт – как процесс – бескорыстен.

Наш город исчезнет некрополем. Вверх не смотри –
По капле выкапывай души из глаз пешеходов.
Срывай с неестественных бликов потухших витрин
Полоски назначенных нам ярлыков и штрих-кодов.

Не найден бессмертный секрет черепных коробков.
Наверное, власть пустоты и является раем.
Под нами – пирог проигравших себя игроков.
А мы ещё живы и, значит, ещё поиграем.

Ковчег

Тихо хрюкает мельница,
И стрекозы над озером
Безразлично ворчат.

И земля еле теплится,
Распухая бульдозером,
Как начало начал.

Липнут фотообоями
Краски мира закатного
К распростёртому Че.

Палачами, изгоями
И святыми запятнанный,
Улетает ковчег.

За горою

Ржи во всё горло: там, за горою,
Слава герою, горе врагу.
Солнце отрину, руки открою.
В бледную гору вбегу.

Там, за горою, горе герою,
Горе уже никому.
После ущерба и попервою
Кажется мягким хомут.

Дело без пользы, польза без цели –
Сеять, не смея жать,
Жить, притворяться горячим и целым
И во всё горло ржать.

Тихого воздуха скользкие струи
Слизывают пустоту.
А за горою верят костру и
Вечно цветы цветут.

Сыграй невесомую роль свою,
Не в ящик лишь – это очень грубо.
Ты слышишь, как я над тобой стою –
Рассыпавший жёлуди старый дуб.
Курю по привычке, легко крещусь
И делаю вид, что под ноль аскет.
А в сонных пальцах играет Щусь,
Царапая формулы на доске.

Прекрасно, вдыхая сосновый пар,
С бродячим псом говорить о Трое.
Пусть я беззубо, бездонно стар,
По Фрейду меня не один, а трое.
Сыграй в переходе, вернись домой,
Гитару вытри, глаза протри,
Разденься и душу мою омой,
Ложась с головою в бездонный трип.

Веданта – выписанный рецепт –
Так дорогого приветствуй гостя,
На кости, голые, как концепт,
Накинь ухода пурпурный стяг.
Сентябрьский ветер берёзу гнёт,
На кухне стол и в кружке вода.
Дождись, пока зеркало подмигнёт,
И выйди задумчиво, в никуда.

Тупики

Жертва

Чёрный ворон из лужи пьёт,
Отрывая куски теней,
Тянет водоворот в рот
Всё быстрее – смелей, злей...
За тенями – глоток луны,
Пятен крови от пьяных драк,
За луной – белый мел стены.
За стеной... Всё опять не так!
Чёрный ворон допил мир –
Всё по-прежнему: кровь и грязь,
Между жил капает жир,
Сна и смерти рождая связь.
Между ложью – кислотный дождь –
Тормозная жидкость небес...
Тишина – это твой вождь,
Тишина набирает вес.
На утёсах прогнивших свай –
Силуэты разбитых плит.
Этот ад хуже, чем рай,
Но и здесь, и там – ты убит!..

Предчувствие

Чумной почерневший грызун
Затерян в рабочих кварталах...
Я чувствую – небо внизу,
В бензиновых бледных фракталах –
И сердца пронзительный скрип.
Любви безысходная рана
Похожа на ядерный гриб,
Червивый распадом урана.
Я чувствую – небо внизу,
В серебряном панцире Нави –
Как ветер срывает слезу
И в прах разбивает о гравий.
Скупой макияж мелочей
Замкнулся решёткой, витриной,
Кольцом фрикционных ночей,
Продукцией водочно-винной...
А ветер срывает слезу
В густое кровавое Нечто,
Я чувствую – небо внизу.
Но Это

будет не вечно!..

Шаги по полю
Несуществующих чудес
К солёной речке,
Нафаршированной телами –
Фатальных тактов
Анатомический прогресс,
Весомый стимул
Покончить с малыми делами.

Условный поиск
Недостающего звена
На острой грани
Победы ангельских мутаций
Стартует с мысли,
Что Это может быть Она,
Придя на финиш
С букетом вычурных фрустраций.

А под покровом
Горячих мокрых одеял
Скользит по коже
Едва уверенно и люто
Открытый внутрь
Непостижимый идеал,
Вплетая в стоны
Несовершенство Абсолюта.

Унылая серость небесного плаца
Заранее пахнет войной Рагнарока.
Болезненна жажда в себе затеряться,
Звеня переполненной чашей порока...

В чумные объяття зовёт Мессалина
Забиться в неровной пульсации линий,
Слизнув со стола порошок мескалина,
Родиться соринкой в глазу Муссолини...

Манёвр

Необычный манёвр – доставать тепло из-под кожи,
Употребляя боль как исступлённо-предсмертную похоть.
Засмотрелся на руки, что в парном молоке по локоть,
Но меня нет. И тебя нет тоже...

Щедрость

«Захлебнись моей щедростью! Я вливаю в тебя всё своё существо – раскалённый мёд, липкое золото, стекающее по всем возможным стенкам твоего ошалевшего организма, просачивающееся в самые потайные уголки забродившего сознания. Я удовлетворяю твою болезненную жажду света, и тебе это доставляет удовольствие мазохиста, который в исступлении наносит себе чудовищные увечья, приближаясь к тому единственному рубежу, на котором можно верно оценить свою сущность. Я возжигаю тотальный огненный шторм, и тебе это по душе, потому что я – единственное разрушение, не запятнанное тьмой и разложением. Я бескорыстен и чист в своём стремлении к уничтожению: за каждым испепелённым кусочком органики спят семена нового мира, готовые прорваться в очищенный от грязи вселенский коридор развития. Я слизываю с твоей повседневности маску комфорта, обнажаю и обжигаю гниющие язвы ненавидимого тобой мира. Почти меня верностью, и я отдам тебе всё, на что только способен свет. Захлебнись моей щедростью!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.